

ББК 67.628

И.Л. Емельянов

**Виктимность и виктимизация:
понятие, виды, проблемы профилактики**

I.L. Emelyanov

**Victimization and Victimty:
Concept, Types, Preventing Problems**

Рассматриваются понятия виктимности и виктимизации, типы и виды виктимизации, проблемы профилактики виктимности и виктимизации.

Ключевые слова: понятие виктимности и виктимизации, процесс виктимизации, типы потерпевших, типы и виды виктимизации, профилактика виктимности и виктимизации.

Одним из основополагающих терминов виктимологической науки является понятие «виктимизация», введенное в правовую литературу Л. В. Франком. Под виктимизацией он понимает процесс превращения лица в реальную жертву или конечный результат такого процесса. С его точки зрения, «виктимность определенного лица есть... не что иное, как реализованная преступным актом „предрасположенность“, вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления, или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима» [1, с. 22].

Первым из зарубежных специалистов был Б. Мендельсон, который дал определения некоторым виктимологическим понятиям, используя производные термины от слова «жертва». «Через потенциал жертвенной восприимчивости мы хотим выразить и определить степень индивидуальной позиции жертвы, ее подсознательное состояние». По его мнению, это степень несопротивляемости, восприимчивость жертвы к правонарушению с психической, физической или социальной точки зрения в момент исполнения преступного действия.

Виктимность означает повышенную способность (повышенные свойства) человека и определенной группы людей (общности людей) становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений. Процесс превращения человека или общности людей в жертв преступлений (имеется в виду при наличии свойств или способности) является виктимизацией. Виктимность — характерный признак, индивидуальное свойство или качество, а виктимизация — это процесс, который существует только тогда, когда он имеет свои стадии развития и проявляется в конкретной преступной ситуации.

This article examines the concept of the victimity and victimization, rates and types of victimization and problems to prevent victimization.

Key words: concept of victimity and victimization; victimization process; types of victims; rates and types of victimization; prevention of victimity and victimization.

С первых же шагов развития криминальной виктимологии и виктимологической науки было намечено два противоположных подхода в отношении природы жертвы преступления и оценки ее роли в корне противоправных действий. Согласно первой точке зрения черты характера, телосложение и действия жертвы играют исключительно важную роль в преступной ситуации. «Некоторые люди притягивают преступника, как ягненок волка» [2, с. 13]. В данном случае на первый план выдвигаются биологические стороны взаимоотношений преступника и потерпевшего, особая генетическая предрасположенность жертвы. Согласно второй точке зрения поведение потерпевшего считается лишь одним из обстоятельств, влияющих на возникновение и осуществление преступного замысла. В данном случае поведение не связывают генетическим кодом, биологической наследственностью индивида, а доказывают обратное, указывая на то, что биологическая наследственность не определяет конкретного поведения человека, так как личность и поведение формируются укладом социальной жизни общества, средой, где человек воспитывается. «Хорошими или плохими люди становятся в результате социально обусловленного развития и воспитания, а не в результате генетического наследования зла и добра. Естественные задатки личности могут с равным успехом служить самому безобразному и возвышенному и самому безобразному и отталкивающему» [3, с. 17].

Заслуживает внимания точка зрения В. Полубинского, который считает, что от правильного определения объема и содержания этого термина будут зависеть уровень и качество всего терминологического и понятийного аппарата криминальной виктимологии. При определении виктимности он опирается на личностные способности

человека, которые непосредственно связаны с его особыми характеристиками, его поведением или с его специфическими взаимоотношениями с причинителем вреда. «...Вероятность стать жертвой преступления повышается и снижается не только от наличия или отсутствия определенных личностных качеств человека и его виктимно опасного или безупречного поведения, но и от времени, места и положения, в котором он оказался, от ряда других условий, составляющих вкуче виктимогенную обстановку» [4, с. 32–33].

Д. Ривман высказывает противоположное мнение, утверждая, что под виктимностью отдельного лица необходимо понимать присущую человеку предрасположенность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления, или неспособность человека противостоять преступнику, сопровождаемую совокупностью факторов, делающих эту неспособность объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения» [5, с. 14].

При изучении преступлений выясняется, что вероятность стать жертвой зависит как от определенных личностных качеств, виктимно опасного или безупречного поведения человека, так и от времени, места и положения, в котором он оказался, от других условий, составляющих целую виктимогенную обстановку. Эти обстоятельства и условия Л. Франк называет «частным случаем криминогенной обстановки» [6, с. 10]. «Ближе к истине позиция тех ученых, которые выделяют в виктимности внутренний, или личностный, и внешний, или „безличностный“, аспекты, определяя ее как субъективно обусловленное психологическое качество человека или объективно обусловленное его социальной ролью явление». Изучение виктимности потерпевших от преступления будет более успешным лишь во взаимосвязи с особенностями возникновения, формирования, структуры виктимогенной обстановки, в которой складывается повышенная возможность причинения людям вреда.

В зависимости от поведенческих характеристик потерпевших от преступления Д. В. Ривман выделяет следующие типы потерпевших [1, с. 10]: 1) агрессивный — поведение потерпевшего связано с нападением на причинителя вреда оскорблением, клеветой, издевательством, характерно создание конфликтной ситуации самим потерпевшим; 2) активный — потерпевшие, побуждающие условия для причинения вреда неконфликтным образом или сами себе причиняющие вред; 3) инициативный — потерпевшие, поведение которых имеет положительный характер, но опасно для них самих; 4) пассивный — потерпевшие, которые не оказывают противодействия преступнику по самым различным причинам; 5) некритичный — потерпевшие, для которых характерны неосмотрительность, неумение оценить ситуацию; 6) нейтральный — потерпевшие, поведение которых не вызывало преступ-

ные действия и не способствовало им в той мере, в какой это зависело от потерпевшего.

Как утверждает Д. Ривман, данная классификация основана только на поведении потерпевших, проявляющихся вовне, в ситуации преступления, и дает лишь относительное представление о внутренних механизмах поведения. Такой взгляд на виктимность не полностью определяет людей, обладающих повышенной способностью становиться жертвами преступлений, и не учитывает тех, кто становится жертвами из-за своей профессии, служебного, материального или иного социального положения. Об этом пишет В. Полубинский: «...они (потерпевшие) становятся жертвами данных преступных посягательств не потому, что являются просто индивидами, а в силу своего особого должностного, служебного или общественного положения и общественно-полезного поведения» [7, с. 13]. Им же было отмечено четыре различных вида виктимности: индивидуальная, видовая, групповая, массовая. Под индивидуальной виктимностью понимается свойство человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами, которые способствуют зарождению условий для причинения вреда. Видовая виктимность — предрасположенность отдельных лиц становиться жертвами определенных видов преступлений. «Полагаем, что видовая виктимность существует и реализуется в форме личностной или ролевой, а также индивидуальной и групповой виктимности». Групповая виктимность — повышенная способность определенных людей, обладающих сходными качествами, становиться жертвами преступлений (работники милиции, инкассаторы, сторожа). Массовая виктимность — объективно существующая реальная возможность для определенных людей в силу их субъективных качеств нести физический, моральный, материальный вред.

Таким образом, говоря о виктимности, можно выделить два основных ее вида: личностную виктимность и определенную ролевую виктимность. Отношения, связывающие преступника с потерпевшим, и ситуации, которые предшествуют и сопровождают преступление, только проявляют личностную или ролевую виктимность, создают или, наоборот, уменьшают предпосылки ее реализации в преступлении. Виктимность в широком смысле можно еще разделить на следующие три группы.

Индивидуальная виктимность — свойство человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами, способствующее в определенной жизненной ситуации возникновению преступления. Это способность человека оказаться в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешними факторами, взаимоотношений с потенциальным преступником, исполняемой социальной роли, сово-

купности субъективных и объективных характеристик преступления, содействующих виктимизации.

Групповая виктимность заключается в общем для определенных категорий людей, обладающих сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими либо другими качествами, выполняющих определенные социальные роли, имеющих «повышенную способность» становиться жертвами преступлений. Групповая виктимность может рассматриваться и как личностная, и как ролевая. Рассматривая групповую виктимность, можно говорить «об общем социально-психологическом и биологическом свойствах определенной группы людей (или выполняемых ими одинаковых социальных ролях), которые при известных условиях могут стать жертвами одинаковых или подобных по своему характеру преступлений, в которых из этих случаев можно говорить и о профессиональной виктимности». Групповой виктимностью обладают люди таких профессий, которые объективно повышают возможность человека нести в определенных случаях ущерб от преступлений. Это работники милиции, кассиры, охранники, инкассаторы и другие, а, кроме того, это и алкоголики, бомжи и наркоманы.

Массовая виктимность — объективно существующая реальная возможность для определенной части людей в силу их субъективных качеств нести физический, моральный и материальный вред. Состояние массовой виктимности может определяться статистически в ее динамике, развитии, изменении. Массовая виктимность основывается на самых различных показателях, раскрывающих ее отдельные стороны и в целом как объективное явление. Массовая виктимность все больше проявляет себя в современном обществе, где преступность не только не уменьшается, а все больше набирает обороты.

Степень виктимности четче проявляется, если рассматривать жертву преступления в связи с ее поведением, внутренними и внешними факторами, влияющими на ее виктимность. Степени различаются в случаях отрицательного поведения жертвы без оттенка провокации, или провокационного поведения жертвы, или социально полезного поведения жертвы, вызывающего недовольство со стороны преступника. Эти виды поведения отличаются и по оценке преступления в отношении его опасности для общества, его социально-правовой природы и степени выраженности в них виктимности. Изучение виктимности во всех ее проявлениях, учитывая ее виктимологическую и социально-правовую природу, позволяет определить роль жертвы в генезисе преступления, установить степень и характер причастности индивида к содеянному преступлению, раз и навсегда решить вопросы наказания за противоправное поведение.

Изучение жертв преступлений по материалам уголовных дел показывает, что «наиболее виктимно зна-

чимым является возраст 30–39 лет (24,6%), а также возраст 25–29 лет (20,6%), с 18 до 24 лет (8,2%) и до 12 лет (5,4%), старше 50 лет (11,8%)». При этом средняя численность возрастных групп в России составляла, по данным Росстата: 30–39 лет — около 14%; 25–29 лет — 7,3%; 18–24 года — 16,5%, до 12 лет — 16,5% [8].

Анализируя показатели виктимности в возрастных группах, с учетом реальной доли возрастных групп в структуре населения, обнаружим, что наивысшая виктимность имеет место не среди 30–39-летних граждан, а среди 25–29-летних, численность которых почти вдвое меньше. Кроме того, допустимо предположить, что реальный уровень виктимности среди представителей старшей возрастной группы значительно выше, как и выше латентность преступлений, совершаемых в отношении данных лиц. То же можно утверждать и относительно малолетних жертв преступлений.

Особый интерес вызывает и такой факт, который характеризует неравномерную виктимологическую активность представителей различных социальных групп. Здесь, как отмечают исследователи, возникают реальные или предполагаемые связи «преступник — жертва», некоторый конфликт, эскалация которого завершается преступлением [9, с. 239].

В полной мере сказанное относится как к классическим бытовым конфликтам между родственниками, обитателями социального дна, членами различных замкнутых коллективов и прочими, так и к ситуационным преступлениям, когда имеет место неправильная оценка будущим потерпевшим предкриминальной и криминальной ситуаций [10, с. 29].

Так, по данным исследования А. А. Гаджиевой, в ситуациях, в которых имела место провокация со стороны потерпевшего, жертвы нередко характеризовались (в 12% случаев) соседями как склочные, неуживчивые, агрессивны настроенные. Некоторые из них были судимы (15%), не имели постоянного места работы (13%) [11, с. 322–323]. По мнению В. И. Задорожного, среди жертв преступлений 7% были ранее судимы, а еще 6,9% имели на момент преступления погашенную или снятую судимость [12, с. 16]. Среди несовершеннолетних жертв преступлений 18–25% были ранее знакомы с преступниками, а в 10–15% случаев жертвы находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или в малолетнем возрасте, т. е. не могли себя защитить. А. Д. Кутын, исследуя положение нелегальных мигрантов, отмечает высокую распространенность в отношении представителей данной социальной группы следующих преступных посягательств:

1) трудовые формы эксплуатации (принуждение работать сверх положенного времени без оплаты — 62%; работа с повышенной интенсивностью — 44%; длительные задержки заработной платы — 39%; при-

нуждение выполнять работу, на которую работник не давал своего согласия, — 38%; принуждение работать без оплаты — 24%);

2) принуждение к секс-услугам (22% из числа опрошенных женщин, в Москве — до 30%);

3) психологическое насилие, угрозы, шантаж — 20%, изъятие паспортов — 20%;

4) ограничение свободы передвижения, полное или частичное содержание взаперти — 20% (в Москве — 31%) и т. п. [13, с. 35].

Отметим, что положение наиболее обеспеченных слоев населения России тоже во многом характеризуется виктимностью, о чем свидетельствует, например, значительное распространение насилия в отечественных деловых обыкновениях или коррупция.

Следует отметить, что жертвами преступлений нередко становятся лица, поведение которых представляется вполне осмотрительным, образ жизни — не привлекающим внимания злоумышленников, а круг общения не характеризуется наличием криминальных элементов.

Индикатором состояния виктимизации является общественное мнение населения о своей защищенности от противоправных посягательств.

Фондом «Общественное мнение» проводилось изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. По мнению 51% участников опроса, жизнь в России сейчас опаснее, чем была 5–6 лет назад. Причем беспокойство по поводу криминальной ситуации занимает существенное место в иерархии страхов и тревог россиян (63%) — эта проблема лишь немногим менее значима для них, чем проблема бедности, низкого уровня жизни (76%), а также алкоголизма и наркомании (70%), и более значима, нежели целый ряд иных вопросов, включая состояние социальной инфраструктуры, социальное неравенство и т. д.

К числу регионов с весьма значительной долей беспокойства по поводу криминализации общества опрошенные отнесли Москву (80%), Московскую (78%), Свердловскую (77%) и Астраханскую (75%) области, а также Чеченскую Республику (75%).

Очень высока доля респондентов, испытывающих страх как перед маргинальными социальными группами, которые ассоциируются с опасностью для окружающих (от наркоманов и рецидивистов до бомжей и нелегальных иммигрантов), так и перед преступниками различной «специализации». В ряде случаев такой страх выглядит совершенно гипертрофированным. И хотя ситуация в разных регионах отличается, в целом российское общество в данном контексте предстает достаточно запуганным криминалом.

В целом за 2009 г. подвергались преступным посягательствам 15% россиян. Самая виктимогенная возрастная группа (20%) — 25–30 лет, с высшим об-

разованием — 19%, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью — 29%.

Большая часть россиян в течение года становились жертвами нескольких разных преступлений, при этом у потерпевшего от какого-либо преступления в несколько раз больше «шансов» подвергнуться иным криминальным посягательствам, чем у того, с кем этого ранее не случалось.

Например, потерпевшие от краж в течение года подвергались причинениям вреда здоровью, становились жертвами хулиганства или карманной кражи втрое чаще, чем россияне в целом; с мошенничеством и вымогательством взятки они сталкивались вчетверо чаще прочих, с вымогательством — впятеро, а с грабежом — всемеро чаще.

Кроме того, широко распространена «рецидивная виктимность»: многие становятся жертвами преступлений одного вида неоднократно. Показатель «рецидивной виктимности» — доля потерпевших неоднократно — колеблется, если говорить только о более или менее широко распространенных преступлениях, от 16% (грабеж) до 44% (принуждение к даче взятки).

Большинство россиян, подвергавшихся криминальным посягательствам, не сообщают об этом в милицию. Только 39% из числа пострадавших в течение последнего года обращались в органы внутренних дел.

Оказываясь жертвами тех или иных преступных посягательств, молодые россияне обращаются в полицию намного реже, чем пожилые, а состоятельные люди — реже, чем неимущие.

Более четверти обращений граждан не фиксируются, не отражаются в отчетности ОВД: 16% обратившихся в ОВД за последний год вообще не подавали письменных заявлений, еще 12% заявляют, что их заявления не были зарегистрированы. Потерпевшие, не обращавшиеся в ОВД, чаще всего объясняют это неверием в то, что полиция им поможет, а также желанием сэкономить время и «поберечь нервы», полагая, что контакты с правоохранительными органами отнимут и то, и другое.

Большинство потерпевших от криминальных посягательств различного типа не считают, что допустили какие-либо ошибки, способствовавшие тому, что они стали жертвами преступников, но немало и тех (1/3), кто усматривает в своем поведении подобные ошибки (среди людей, которым были причинены телесные повреждения, кто подвергся грабежу, вымогательству, в том числе взятки). Пострадавшие от действий мошенников винят себя намного чаще прочих (47%).

Анализируя свое поведение, самокритичные жертвы преступлений чаще всего корят себя за излишнюю доверчивость (19%) и невнимательность, беспечность, неосмотрительность (13%). На третьем месте — нарушения правил дорожного движения (9%), поскольку именно встреча с автоинспектором при та-

ких обстоятельствах сделала возможным вымогательство взятки. К числу прочих черт характера и особенностей поведения, определяющих человека в «группу риска», участники опроса относят легковерие, слабохарактерность и робость.

Другим основанием виктимизации, наиболее часто встречающимся в высказываниях жертв, является состояние опьянения: 7% упоминают, что «были нетрезвы и это их подвело». Столько же из жертв, получивших вред здоровью, признают, что вели себя грубо, агрессивно.

Некоторая часть потерпевших пострадали от знакомых лиц. Больше всего таких среди жертв, получивших тяжкий вред здоровью (29%) и подвергшихся сексуальному насилию (34%). Потерпевшие отмечают, что до совершения преступления относились к будущим преступникам положительно, без антипатии.

Наиболее высокие показатели виктимности в Москве, Пермском крае и Республике Саха (по 23%), в Московской (22%), Саратовской, Сахалинской областях, республиках Дагестан и Марий Эл (по 21%).

Наименьшие показатели зафиксированы в республиках Чечне и Ингушетии, при том что в Чечне 75% опрошенных респондентов выражают беспокойство по поводу значительной криминализации в регионе.

В целом специфика криминальной виктимизации проявляется не столько в виктимности потерпевшего от того или иного преступления, сколько в виктимном поведении и виктимогенной деформации его личности. Кроме того, большая часть посягательств могла остаться нереализованной, если бы потенциальная жертва в предкриминальной и криминальной ситуациях не поддавалась виктимизации (не доверилась случайным знакомым, проявила сдержанность, осмотрительность, элементарную осторожность и т. д.) [14].

В криминологической литературе понятие «виктимизация» чаще всего связывают с размахом преступности и ее последствиями, причем с основным акцентом на количественную сторону этого явления. По мнению И. В. Лиманской, такое понимание виктимизации сужает ее смысловое значение и содержание, не учитывает ее соотношения с процессом криминализации, а также значимости ее проявления на индивидуальном уровне. Нам представляется, что с этим подходом стоит согласиться, поскольку, как было показано в работе указанного автора, виктимизация и криминализация являются парными, в социальном плане тесно связанными криминологическими кате-

гориями. При этом виктимизация является составной, хотя и специфической частью процесса криминализации общества. Лишь единство этих показателей может дать представление о картине преступности в обществе, которая на сегодняшний день требует существенной коррекции с учетом того, что статистика правоохранительных органов (применительно к учету потерпевших) является весьма несовершенной, вуалирующей подлинную ситуацию и масштабы ущерба, причиненного населению и государству в целом [15].

Можно, однако, предположить, что эти процессы будут иметь различные характеристики и динамические свойства в зависимости от того, осуществляется ли анализ на уровне личности, социальной группы или общества в целом. Сегодня в отечественной виктимологии принято различать индивидуальную, видовую, групповую и массовую виктимность. Последняя точнее всего определяется степенью уязвимости населения, реализующейся в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений и причинение вреда. Таким образом, групповая виктимность является определенным элементом, частным случаем массовой виктимности.

Групповая виктимность выступает как специфическая характеристика отдельных категорий населения, обладающих сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими и другими качествами, которая указывает на степень их предрасположенности при определенных обстоятельствах становиться жертвами преступления. Необходимость выделения в особую категорию массовой виктимности вызвана сегодняшним состоянием преступности, процессом криминализации новых общественно опасных деяний, жертвами которых становятся целые общности граждан, объединенных по каким-либо сходным признакам. Такими признаками могут быть, например, место жительства, национальность, пол и ряд других элементов жизни человека. Нужно учитывать и то, что человек становится уязвимым и в конечном итоге виктимизируется, как правило, именно из-за того, что является членом какой-либо группы лиц либо общества. При этом предотвратить потенциальную виктимизацию, т. е. реализовать цели виктимологической профилактики, он может нередко только при помощи той общности, с которой он себя соотносит, при условии соответствующего правового воспитания [16].

Библиографический список

1. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — М., 1975.
2. Фаттах А. Жертва — соучастник преступления // Литературная газета. — 1976. — № 40.

3. Тарарухин С. А. Преступное поведение (социальные и психологические черты). — М., 1974.
4. Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, 1979.
5. Полубинский В. И. Криминальная виктимология. Что это такое? — М., 1977.
6. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. — Л., 1975.
7. Ривман Д. В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступлений // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. — Иркутск, 1988.
8. Средняя арифметическая численности возрастных групп населения России [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.GKS.ru](http://www.GKS.ru).
9. Кузнецова Н. Ф., Богущ Г. И. и др. Криминология. — М., 2007.
10. Полубинский В. И. Правовые основы криминальной виктимологии // Журнал российского права. — 2001. — № 4.
11. Гаджиева А. А. Виктимное поведение жертвы преступлений убийства и причинения вреда здоровью человека как криминологическая проблема // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2008. — № 1.
12. Задорожный В. И. Особенности виктимного поведения жертв преступлений // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 1 (28).
13. Кутьин А. Д. Виктимология миграционных процессов в России // Профessionал. — 2007. — № 2 (76).
14. Ситковский А. Л. Криминальная виктимизация в России: состояние и тенденции развития // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru.
15. Лиманская И. В. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.
16. Вишневецкий К. В. Место виктимологической теории в криминологии // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru.